

Università degli Studi di Trieste
Dipartimento di Scienze del Linguaggio,
dell'Interpretazione e della Traduzione

Društvo Slovenija - Rusija

Slovenski center P.E.N.

RUSKE PESMI РУССКИЕ ПЕСНИ

Izbor iz avtorske in ljudske pesmi
Избранные авторские и народные песни

Università degli Studi di Trieste
Dipartimento di Scienze del Linguaggio,
dell'Interpretazione e della Traduzione

Društvo Slovenija - Rusija

Slovenski center P.E.N.

RUSKE PESMI РУССКИЕ ПЕСНИ

Izbor iz avtorske in ljudske pesmi
Избранные авторские и народные песни
(1960/1970)

Prevedel
Ivan Verč

Trieste - Trst
2000

Università degli Studi di Trieste
Dipartimento di Scienze del Linguaggio,
dell'Interpretazione e della Traduzione
via Fabio Filzi, 14
34132 Trieste (Italy)
Tel.: (+) 040 / 6762361
Fax: (+) 040 / 6762362
E-mail: verc@sslmit.univ.trieste.it
ivan.verc@xnet.it

Cover page

Društvo Slovenija - Rusija (*logos*)

Slovenski center P.E.N. (*logos*)

The building, now the seat of the Faculty of Modern Languages for Translators and Interpreters, as it was in 1904 constructed according to the design of the architect Max Fabiani by the Slovene community of Trieste as a multipurpose centre – hotel, bank, theatre, library. The building (*Narodni dom*) was set on fire in 1920 and a plaque today commemorates this disavowal of civic values.

(Drawing by Architect Dorian Grison)

© 2000 by Università degli Studi di Trieste

Stampato in Italia.

*È vietata la riproduzione anche parziale
in qualunque modo e luogo.*

Printed in Italy.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means including information storage and retrieval systems without permission in writing from the publisher, except by a reviewer who may quote brief passages in a review.

KAZALO
СОДЕРЖАНИЕ

5	<i>Beseda prevajalca. O avtorjih</i>
	Bulat Okudžava. Булат Окуджава
11	<i>Fantje, pozdravljeni. До свидания, мальчики!</i>
13	<i>Pesem o vojaških škornjih. Песенка о солдатских сапогах</i>
15	<i>Pesem o pehoti. Песенка о пехоте</i>
17	<i>Kralj. Король</i>
19	<i>Pesem o papirnatem vojaku. Песенка о бумажном солдатики</i>
21	<i>Ah, Nadja, Nadjica. Ах, Надя, Наденька</i>
23	<i>Končno se on prikazal je v dom... Он, наконец, явился в дом...</i>
25	<i>Vendar mi je žal. Всё-таки жаль</i>
27	<i>Glavna pesem. Главная песенка</i>
29	<i>Slikarji. Живописцы</i>
31	<i>Pesem o Črnem mucu. Чёрный кот</i>
33	<i>Pesem o moskovskem metroju. Песенка о метро</i>
35	<i>Pesem o mojem življenju. Песенка о моей жизни</i>
37	<i>Mravlja. Муравей</i>
39	<i>Pesem o zračnem balončku. Голубой шарик</i>
41	<i>Pesem o Mozartu. Песенка о Моцарте</i>
43	<i>Pesem o Moskvi ponoči. Песенка о ночной Москве</i>
45	<i>Gruzijska pesem. Грузинская песня</i>
47	<i>Polnočni trolejbus. Полночный троллейбус</i>
49	<i>François Villon. Франсуа Вийон</i>
51	<i>Pesem starega lajnarja. Песенка старого шарманщика</i>
53	<i>Tri sestre. Три сестры</i>

Aleksander Galič. *Александр Галич*

- 57 Valček iskalcev zlata. *Старательский вальсок*
59 Ave Marija. *Аве Мария*
63 Huzarska pesem. *Гусарская песня*
67 Oblaki. *Облака*
69 Nočni obhod. *Ночной дозор*
73 Vlak. *Поезд*
77 Bolniška ciganska. *Больничная цыганочка*
81 Naraka. *Ошибка*
83 Koračnica. *Марш*
87 Ciganska romanca. *Цыганский романс*
91 Mestna romanca: Tončka. *Городской романс (Тонечка)*
95 Ko vrnem se spet... *Когда я вернусь...*

Ljudske in ponarodele pesmi. *Народные песни*

- 99 Balada z Dona. *Донская баллада*
101 Kozaška zgodba. *Казачья притча*
103 Častuške. *Частушки*
105 Ti mar je leglo kaj na dušo? *О чём задумался, служивый?*
107 Črni vran. *Чёрный ворон*
109 Se mesec oblekel je v bager. *Окрасился месяц багрянцем*
111 Matuška. *Матушка*
113 Komarci. *Комарики*
115 Burlaška usoda. *Долюшка*
117 Vi, sestrice, prijateljice. *Вы, сестрицы, подруженьки*
119 Uralska jerebika. *Уральская рябинушка*
123 Večer pod Moskvo. *Подмосковные вечера*

BESEDA PREVAJALCA

Kdor je kot študent ali zgolj ljubitelj ruske kulture imel priložnost, da je preživel daljše obdobje v Rusiji šestdesetih in sedemdesetih let, bo pesmi, ki so tu zbrane, prebiral z nostalgичnim priokusom. To obdobje se je namreč v zgodovinskem spominu danes že nekoliko starejšega pokolenja zapisalo kot poslednji poskus sproščenega odnosa do sedanosti in preteklosti pred dokončnim razpadom Sovjetske Zveze. Obdobje je bilo kratko, njegov prodorni duh je zamrl že v drugi polovici šestdesetih let in potrebnih je bilo nadaljnjih dvajset let za nov, tokrat usodni preobrat.

V tistih letih je pesem, poleg vseh resnobnih in ostrih političnih, ideoloških in literarno-kulturnih diskusij, odigrala nezanemarljivo vlogo v vzpostavljanju in širjenju novih kategorij mišljenja in vedenja, ki so želele odpraviti togost uradne ruske kulture in prilagodljivost njenih neustvarjalnih in prestrašenih akterjev. Od retorično rodoljubne, dogmatske in triumfalistične je pesem postala življenjska ter odprta za dialog in dvom. Iz velikih državnih dvoran za tisočglave množice se je selila v neuradne in od oblasti komaj tolerirane manjše, prijaznejše prostore, na domove ruske inteligence, v klube, na večere univerzitetnih študentov, v zakotne gledališke dvorane. Dejansko je bilo na glavo postavljeno vse, od načina izvajanja ljudske pesmi do ponovnega odkrivanja prepovedanih motivov in tematike celo znotraj odrevenelih shem uradne kulture, vse do neizprosne obsodbe ali pa vsaj odkrito odklonilnega odnosa do ruske stvarnosti v sovjetskem obdobju.

Izbor slovenskih prevodov sloni zato na treh sklopih, ki vsak po svoje zaznamuje čas in prostor. *Bulat Okudžava* je najžlahtnejši primer postalinske avtorske pesmi. Njegova poezija je ironična, mehka, daleč od "svete jeze" razočaranih mladeničev prvega povojnega pokolenja, zato pa nič manj topla, globoka in pristno življenjska. V šestdesetih letih je bil Okudžava glasnik tistega nemajhnega dela ruske inteligence, ki si je želela le čimprejšnji povratak k normalnosti, k vsakdanjosti, k upanju in čustvom, daleč od uradne retorike dela, junaštva in rodoljubja. Namesto patriotičnega povzdigovanja vojne, je Okudžava opozarjal na njen nesmiisel, pel je o vojaku, ki si želi domov in ga je strah in vojne in povratka, enoumno in poslušno evforijo milijonskih množic je nadomestil z vrednoto pritajenega, zato pa iskrenejšega individualnega doživljanja, triumfalizem je zamenjal z lahkotno ironijo in v umet-

nosti na prvo mesto postavil avtonomijo pesniške ustvarjalnosti. Uspeh je bil ogromen in po vsej Rusiji ter med vsemi tujimi študenti slavisti v Evropi in Ameriki se je njegov glas širil s pomočjo neštetihi megnetofonskih posnetkov. S svojimi šansoni je bil Okudžava prvi primer svojevrstne ustne inačice samizdata.

Aleksander Galič je svoje pesmi začel pisati nekoliko kasneje, proti koncu šestdesetih let, ko je bil duh odjuge dokončno odpravljen in je v Rusiji spet zavladała sivina oportunitizma in molka. Njegove pesmi so pikre, sarkastične in brez ovinkarjena govorijo o stalinskih lagerjih in o lažeh režima; le izjemoma so njegovi verzi lirično ali intimistično obarvani. Pri njem namreč ne gre več za poskus umirjene, neboleče preobrazbe totalitarnega, utrujenega in neustvarjalnega sistema, temveč za odkrit odpor proti temu sistemu, za razgaljenje njegove brezizhodnosti. Njegov srd je uperjen v vse nedotakljive svetinje tedanje ruske družbe, v vojno, kjer so vojaki-jetniki umirali zaman, v izrojeno načelo o enakopravnosti, ki je dejansko ustvarilo nov privilegirani sloj, kot tudi v vprašanje vesti ruskega človeka, ki se ni znal upreti. Galič je dejansko prvi ruski povojni pesnik, ki svoj glas in kitaro uporablja za nedvoumni protest proti sistemu.

V drugi polovici šestdesetih in na začetku sedemdesetih let je nov zagon v iskanju in izvajanju *ljudske pesmi* dala pevka Žanna Bičevskaja, ki je na novo priredila znane in manj znane folklorne motive in postala neke vrste glasnik sodobnejšega pristopa k tradiciji. Odpovedala se je tradicionalni ljudski orkestraciji in jo zamenjala s kitaro, kar jo je približalo takrat na zahodu že zelo popularnim ameriškim folk-singerjem, ob tem pa je v ljudskem izročilu iskala tiste avtohtone prvine, ki jih je sovjetsko obdobje nekako zbrisalo v poudarjanju umišljene enovitosti ruske in sovjetske tradicije. Tudi zato smo v ta sklop vključili kot tipični primer umetne folklorizacije zdaj že ponarodelo pesem o Uralski jerebiki, kjer so tradicionalni ljudski motivi prestavljeni na tla modernega industrijskega okolja. Prav tako ponarodela je sicer nekoliko cenena, a nežna pesem o Večeruh pod Moskvo, prava svetovna uspešnica, ki je bila izraz novega vzdušja odjuge, saj je leta 1961 uradno nadomestila retorično Pesem o domovini, s katero je moskovska radijska postaja vsak dan začinjala svoj program.

Ob teh in podobnih pesmih je doraščalo celo pokolenje ruske inteligence in slavistov-rusistov v tujini, ki so iz Moskve in Leningrada tihotapili domov prepovedane in le po prijateljski poti do-

segeljive magnetofonske posnetke ter še redkejše plošče. Še danes so ti šansoni sestavni del marsikaterega učnega programa za vsakogar, ki se na katerikoli ravni odloči za študij ruskega jezika in kulture, čeprav sta s časom aktualnost in provokativni naboj izgubila svoj domet. Ostale so pesmi, ki jih je, tako kot некоč, mogoče zapeti med prijatelji, v manjši družbi, ob spremljavi kitare. Tudi zato slovenski prevod ne teži k strogi filološki rekonstrukciji izvirnika, opozoriti želi predvsem na spevnost verzov v upanju, da bodo te pesmi tu pa tam zadonele v slovenščini med vsemi, ki jim je ruska kultura še vedno pri srcu.

Prevajalec

O AVTORJIH

Bulat Šalvovič Okudžava se je rodil v Moskvi leta 1924. Oče je bil iz Gruzije, mati iz Armenije, oba sta bila partijska funkcionarja. Leta 1937 sta bila oče in mati zaprta, očeta so ustrelili, mater so poslali v lager. Za malega Bulata je od takrat skrbela babica. Leta 1940 se je preselil k sorodnikom v Tbilisi. Leta 1942 se je kot prostovoljec javil v Rdečo armado in se boril na severno kavkaški fronti. Po vojni se je vpisal na univerzo in leta 1950 diplomiral na Filozofski fakulteti v Tbilisiju. Do leta 1955 je poučeval na različnih podeželskih šolah, leto kasneje, po rehabilitaciji staršev, pa se je vrnil v Moskvo, kjer se je kot urednik najprej zaposlil pri založništvu Molodaja gvardija, potem pa kot odgovorni za poezijo pri časopisu Literaturnaja gazeta. V teh letih je začel tudi nastopati s svojimi skladbami v ožji prijateljski družbi. Prve objave segajo v leto 1953, prva samostojna pesniška zbirka *Lirika* [Лирика] je izšla leta 1956, nato je Okudžava redno objavljala v vseh pomembnejših literarnih revijah. Leta 1961 se je odločil za svobodni poklic. Izdal je več samostojnih knjig (*Otoki* [Острова], 1959; *Veseli bobnar* [Весёлый барабанщик], 1964; *Arbat, moj Arbat* [Арбат, мой Арбат], 1976). Po krajši bolezni je umrl v Parizu leta 1996. V slovenščini je izšel njegov roman *Potovanje diletantov* (Obzorja, Maribor 1988).

Aleksander Arkadjevič Galič (Ginzburg) se je rodil v Moskvi leta 1919, kjer je živel do emigracije leta 1974. Umrli je v Parizu leta 1977. Leta 1938 je diplomiral na znameniti gledališki šoli-studiju K.S. Stanislavskega in se posvetil igralskemu ter dramaturškemu poklicu. Med vojno je z gledališko skupino nastopal med vojaki, ki so se borili na fronti. Pisati je začel že pred vojno za znamenito študijsko gledališko produkcijo *Mesto ob zori* [Город на заре], proti koncu petdesetih let pa je začel pisati tudi poezijo. Napisal je nad dvajset gledaliških del (med najbolj znanimi *Generalka* [Генеральная репетиция], zgodba o prepovedi uprizoritve dan pred premiero njegovega dela, *Mornarska tišina* [Матросская тишина]) in filmskih scenarijev (*Zvesti prijatelji* [Верные друзья], *Državni hudodelec* [Государственный преступник]). Dobitnik večjega števila domačih in mednarodnih priznanj, med temi Stalinove nagrade in, posthumno, Državne nagrade ZSSR leta 1987. Od leta 1955 član Društva sovjetskih pisateljev, iz katerega je bil izključen leta 1971 (rehabilitiran in ponovno sprejet leta 1988). Kot kantavtor šansonov je samostojno začel nastopati proti koncu šestdesetih let. Izdal je eno samo ploščo (*Šepetajoči krik* [Крик шёпотом], Oslo 1975).

Žanna Bičevskaja je bila v sedemdesetih letih med najpopularnejšimi ruskimi pevkami narodne glasbe. Po končani glasbeni šoli, kjer je diplomirala iz klasične kitare, je obiskovala posebno šolo za umetnike lahke glasbe, potem pa je začela s samostojnimi nastopi. Gradivo za svoje pesmi je iskala širom Rusije, od Karelije do Volge in Uralov in ga je nato prirejela po lastem umetniškem nagibu. Danes se v glavnem ukvarja z odkrivanjem in obnavljanjem ruskih duhovnih verzov.

BULAT OKUDŽAVA
БУЛАТ ОКУДЖАВА

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ!

Ах, война, что ж ты сделала, подлая!
Стали тихими наши дворы.
Наши мальчики головы подняли,
Повзрослели они до поры.
На дороге едва помаячили
И ушли – за солдатом солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад!
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат,
И себя не щадите, и всё-таки
Постарайтесь вернуться назад!
Ах, война, что ж ты, подлая, сделала!
Вместо свадеб – разлуки и дым.
Наши девочки платица белые
Раздарили сестрёнкам своим.
Сапоги... Ну куда от них денешься!
Да зелёные крылья погон!...
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
Мы сведём с ними счёты потом!
Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идёте войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
Постарайтесь вернуться назад!

FANTJE, POZDRAVLJENI

Kaj si vojna, podla, nakuhala!
Po dvoriščih utihnil je vrišč,
naši dečki so komaj spregledali
in odrasli so stran od igrišč,
so na pragu se komaj zamajali
in odšli, za vojakom vojak...
Fantje, pozdravljeni!
Fantek, daj,
če le moreš, se vrni nazaj!
Ne potuhni se in drži pogumno se,
ne varčuj ne svinčenk, ne granat,
do konca razdajaj se in vendarle,
če le moreš, se vrni nazaj.
Kaj si vojna, podla, nakuhala!
Mesto svadbe ločitve in dim.
Naše deklice bele oblekice
so razdale sestricam v spomin.
Naokrog bojni škornji topočejo,
let zelenih peruti – epolet...
Se na čenče požvižgajte,
deklice, obračunamo z njimi kdaj spet!
Naj čvekajo, da v nič ne verjamete,
kot bi vojna bila doživljaj.
Pozdravljene, deklice!
Deklica,
če le moreš, se vrni nazaj!

ПЕСЕНКА О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ

Вы слышите: грохочут сапоги,
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят из-под руки...
Вы поняли, куда они глядят?

Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней...
Уходит взвод в туман, туман, туман,
А прошлое ясней, ясней, ясней.

А где же наше мужество, солдат,
Когда мы возвращаемся назад?
Его, наверно, женщины крадут
И как птенца за пазуху кладут.

А где же наши женщины, дружок,
Когда вступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
А в доме нашем пахнет воровством.

А мы рукой на прошлое: враньё!
А мы с надеждой в будущее: свет!
А по полям жиреет вороньё,
А по пятам война грохочет вслед.

И снова переулком – сапоги,
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят из-под руки –
В затылки наши круглые глядят.

PESEM O VOJAŠKIH ŠKORNJIH

Vojaških škornjev čujete topot,
na nebu jate ptic prestrašen vzlet,
zasloni z roko ženska si oko,
je jasno vsem, kam ji beži pogled.

Mar čujete, kako povsod bobni?
Poslovi se, vojak, enkrat še z njo...
Odhaja vod v megli, megli, megli,
za njim pa je svetlo, svetlo, svetlo.

In kje pogum zapustil si, vojak,
ko domu spet se bliža tvoj korak?
So ženske, kot mladiča, na skrivaj,
ga v nedrje vtaknile bogve kdaj.

A kje so naše ženske, bratec drag,
ko stopamo ponovno na svoj prag?
Ko čakajo vabljivo nas doma,
prav tam se tat potuhnil je morda.

Kar je bilo, za nas je sama laž,
v bodočnost svetlo zdaj je uprt pogled.
A znova se redi na polju vran
in vojna za petami je že spet.

In spet vojaških škornjev je topot,
na nebu jate ptic prestrašen vzlet.
Zasloni z roko ženska si oko,
v okrogli tilnik naš beži pogled.

ПЕСЕНКА О ПЕХОТЕ

Простите пехоте,
Что так неразумна бывает она.
Всегда мы уходим,
Когда над землёю бушует весна.
И шагом неверным –
По лестнице шаткой, спасения нет.
Лишь белые вербы,
Как белые сёстры глядят тебе вслед.

Не верьте погоде,
Когда затяжные дожди она льёт.
Не верьте пехоте,
Когда она бравые песни поёт.
Не верьте, не верьте,
Когда по садам закричат соловьи...
У жизни со смертью
Ещё не закончены счёты свои.

Нас время учило:
Живи по привальному, дверь отворя!
Товарищ мужчина,
А всё же заманчива должность твоя!
Всегда ты в походе,
И только одно отрывает от сна,
Чего ж мы уходим,
Когда над землёю бушует весна?

PESEM O PEHOTI

Odpustite pehoti,
na njeno norost se jezite zaman,
smo vedno na poti,
ko prede nad zemljo pomlad pajčolan.
Korak te previdni
po lestvi majavi ne reši nikdar.
In, sestram podobno,
le belo vrbovje se klanja v pozdrav.

Ne zaupaj vremenu,
ko z néba izliva potoke dežja.
Ne zaupaj pehoti,
ko s pesmijo smelo podžiga srca.
Še manj pa zaupaj,
ko se po vrtovih slavci oglase.
Življenje s smrtjo
še ni obračunalo svoje dolge.

Nas čas je izučil:
si šotor življenja odpri na stežaj.
Pa vendar, tovariš,
usodi se svoji vabljivi predaj!
Na večnem pohodu
le nekaj te včasih prebuja od sanj:
zakaj smo na poti,
ko prede nad zemljo pomlad pajčolan?

КОРОЛЬ

Во дворе, где каждый вечер всё играла радиола,
Где пары танцевали, пыля,
Ребята уважали очень Лёньку Королёва
И присвоили ему званье короля.

Был король, как король, всемогущ. И если другу
Станет худо и вообще не повезёт,
Он протянет ему свою царственную руку,
Свою верную руку – и спасёт.

Но однажды, когда „мессершмитты”, как вороны,
Разорвали на рассвете тишину,
Наш Король, как король, он кепчонку, как корону –
Набекрень, и пошёл на войну.

Вновь играет радиола, снова солнце в зените,
Да некому оплакать его жизнь,
Потому что тот король был один (уж извините),
Королевой не успел обзавестись.

Но куда бы я ни шёл, пусть какая ни забота,
(По делам или так, погулять),
Всё мне чудится, что вот за ближайшим поворотом
Короля повстречаю опять.

Потому что на войне, хоть и правда, стреляют,
Не для Лёньки сырая земля.
Потому что (виноват), но я Москвы не представляю
Без такого, как он, короля.

KRALJ

Na dvorišču, kjer zvečer glas je odmeval gramofona,
kjer pari v plesu dvigali so prah,
tovariši cenili so Ljonko Koroljova
in soglasno odločili, da je kralj.

Bil je kralj, kot vsak kralj: vsemogočni prijatelj.
Komurkoli, ki nikakor mu ni šlo,
svojo je pomoč kraljevsko srčno dal na razpolago
in ga rešil je z zvesto roko.

A takrat, ko so ob zori Messerschmitti, kakor vrane,
podivjali v molku jutranjem neba,
prav kot kralj si naš kralj je kot krono obul čelado
in odšel, ker je vojna bila.

Spet igra gramofon, spet je sonce visoko,
a nihče zdaj ne joka za njim:
saj ta kralj je bil sam (to mi boste oprostili)
in kraljice ni utegnil si dobiti.

Kamorkoli naj grem, kakorkoli že gre,
radi dela ali le na sprehod,
kot občutek imam, da za prvim ovinkom
kralja Ljonko zagledamo spet.

Pa čeprav ne za šalo najbrž streljajo v vojni,
Ljonku zemlje se hlad ne poda,
(saj sem kriv, to priznam), a si Moskve ne zamišljam
brez kralja, ki ga vsakdo pozna.

ПЕСЕНКА О БУМАЖНОМ СОЛДАТИКЕ

Один солдат на свете жил,
Красивый и отважный,
Но он игрушкой детской был, –
Ведь был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел,
Чтоб был счастливым каждый,
А сам на ниточке висел, –
Ведь был солдат бумажный.

Он был бы рад – в огонь и в дым,
За вас погибнуть дважды,
Но потешались вы над ним, –
Ведь был солдат бумажный.

Не доверяли вы ему
Своих секретов важных.
А почему? а потому,
Что был солдат бумажный.

А он, судьбу свою кляня,
Не тихой жизни жаждал
И всё просил: – Огня, огня! –
Забыв, что он бумажный.

В огонь? Ну, что ж. Иди! Идёшь?
И он шагнул однажды.
И там сгорел он ни за грош, –
Ведь был солдат бумажный.

PESEM O PAPIRNATEM VOJAKU

Na svetu je vojak živel,
ki bal se ni hudirja.
Otrok vojaka je imel,
igračo iz papirja.

Drugačen svet si je želel,
ki srečo vsem odmerja.
Otrok na nitko je pripel
vojaka iz papirja.

On šel bi rad v ognjeni dim,
naproti smrti dirjal.
Ne bi jokali vi za njim,
vojakom iz papirja.

Ste njemu dovolili mar,
da vašo vest preverja?
Zakaj? Zato, ker je vendar
vojaček iz papirja.

A on je usodo svojo klel,
življenje burno terjal,
in ognja si je le želel,
čeprav je bil iz papirja.

Kaj praviš? Greš? Kot pravi mož
nekoč je odkorakal
in tam zgorel za počen groš,
pač slave ni dočakal.

АХ, НАДЯ, НАДЕНЬКА

Из окон корочкой несёт поджаристой.
За занавесками – мельканье рук.
Здесь остановки нет, а мне – пожалуйста:
Шофёр автобуса – мой лучший друг.

А кони в сумерках колышут гривами.
Автобус новенький, спеши, спеши!
Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный
В любую сторону твоей души.

Я знаю, вечером ты в платье шёлковом
Пойдёшь по улице гулять с другим...
Ах, Надя, брось коней кнутом пощёлкивать,
Попридержи-ка их, поговорим!

Она в спецовочке, в такой промасленной,
Берет немислимый такой на ней...
Ах, Надя, Наденька, мы были б счастливы...
Куда же гонишь ты своих коней!

Но кони в сумерках колышут гривами.
Автобус новенький спешит-спешит.
Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный
В любую сторону твоей души!

AH, NADJA, NADJICA

Iz okna skorjica diši prepečena,
a za zavesami mahànje v zrak:
tu pač postaje ni – a brez prerekanja,
prijatelju šoferju dal sem znak.

Razliva v mraku grivastih se konjev čar,
se novi avtobus na pot poda.
Da bi lahko jaz sam, za dvajset borih par,
prišel v kotiček tvojega srca.

Že vem, da ti, zvečer, v svileni oblekici,
sprehajaš z drugim se že celi vek.
Ah, Nadja, nehaj že po konjih švrkati,
za hipec brzdaj njih neugnani tek.

Nad žabo delovno, vsa zanemarjena,
nadela nemogoč si je klobuk.
Oba sva, Nadjica, za srečo ustvarjena,
le konje svoje enkrat spravi vkup.

Razliva v mraku grivastih se konjev čar,
se novi avtobus na pot poda.
Da bi lahko jaz sam, za dvajset borih par,
prišel v kotiček tvojega srca.

ОН, НАКОНЕЦ, ЯВИЛСЯ В ДОМ...

Он, наконец, явился в дом,
Где она сто лет мечтала о нём,
Куда он сам сто лет спешил,
Ведь она так решила, и он решил.

Клянусь, что это любовь была,
Посмотри, ведь это её дела...
Но знаешь, хоть бога к себе призови,
Разве можно понять что-нибудь в любви.

И поздний дождь в окно стучал,
И она молчала и он молчал...
И он повернулся, чтобы уйти,
И она не припала к его груди...

Я клянусь, что это любовь была,
Посмотри, ведь это её дела...
Но знаешь, хоть бога к себе призови,
Разве можно понять что-нибудь в любви.

KONČNO SE ON PRIKAZAL JE V DOM...

Končno se on prikazal je v dom,
kjer ona cel vek je sanjala o njem,
kamor sam več sto let je hitel,
pač tako je želela in on je želel.

Častno dam, to je ljubezen bila,
njene zgodbe pa vsakdo pozna...
Ti pa veš, da četudi boga si dobiš,
ni prostora za pamet, ko od ljubezni živiš.

In dež pod večer na okna je bil,
je ona molčala, on ni govoril;
in on se je obrnil, da se vrne k ljudem
in ona ni padla njemu v objem.

Častno dam, to je ljubezen bila,
njene zgodbe pa vsakdo pozna...
Ti pa veš, da četudi boga si dobiš,
ni prostora za pamet, ko od ljubezni živiš.

ВСЁ-ТАКИ ЖАЛЬ

Былое нельзя воротить, и печалиться не о чём.
У каждой эпохи свои подрастают леса...
А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеичем
Пужинать, в „Яр” заскочить хоть на четверть часа.

Теперь нам не надо по улицам мыкаться ощупью:
Машины нас ждут, и ракеты уносят нас вдаль...
А всё-таки жаль, что в Москве больше нету извозчиков,
Хотя б одного, и не будет отныне... А жаль.

Я кланяюсь низко познания морю безбрежному,
Разумный свой век, многоопытный век свой любя...
А всё-таки жаль, что кумиры нам сняты по-прежнему,
И мы иногда всё холопами числим себя.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
Мы всё обрели: и надёжную пристань и свет...
А всё-таки жаль, – иногда над победами нашими
Встают пьедесталы, которые выше побед.

Былое нельзя воротить. Выхожу я на улицу.
И вдруг замечаю у самых Арбатских ворот:
Извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается...
Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдёт!

VENDAR MI JE ŽAL

Preteklost nikdar se ne vrne. Čemu bi se mučili?
Vsak čas je pač s svojim značilnim zelenjem posut...
Vendar mi je žal, da ne morem večerjati s Puškinom
in v "Jaru" posedati z njim vsaj za petnajst minut.

Zdaj res nam ni treba na slepo po ulicah tavati:
mašina nas čaka, raketa nas pelje v nebo...
Vendar mi je žal, da po Moskvi ne morem peljati se
v kočiji s poslednjim izvoščkom... Žal več ga ne bo.

Pred morjem neskončnim spoznanja do tal se vsi klanjamo,
svoj vek poln izkušenj in pameti ljubim vdan...
Vendar mi je žal, da malike, kot nekđaj, spet sanjamo
in včasih kot hlapci ponižni živimo svoj dan.

Zaman nismo zmage kovali, ob njih dozorevali,
prav vse smo dosegli: sijaj in zaupen pristan...
Vendar mi je žal, da se včasih, kjer mi smo uspevali,
podstavki spet dvigajo, višji od vseh naših zmag.

Preteklost nikdar se ne vrne. Spet hodim po ulicah.
Nenadoma vidim izvoščka, ki mirno stoji
ob vhodu v Arbat, Aleksandra Sergejiča Puškina
zazrem na sprehodu... Še danes se kaj pripeti.

ГЛАВНАЯ ПЕСЕНКА

Наверное, самую лучшую
На этой земной стороне
Хожу я и песенку слушаю –
Она шевельнулась во мне.

Она ещё очень неспетая,
Она зелена, как трава,
Но чудится музыка светлая,
И строго ложатся слова.

Сквозь время, что мною не пройдено,
Сквозь смех наш короткий и плач
Я слышу: выводит мелодию
Какой-то грядущий трубач.

Легко, необычно и весело
Кружит над скрещеньем дорог
Та, самая главная песенка,
Которую спеть я не смог.

GLAVNA PESEM

Verjetno najlepša med vsemi je,
enake na svetu je ni,
sprehajam se, čujem to pesmico,
ki v srcu trepeče zveni.

Zaenkrat še vedno neizpeta,
kot trava še vsa zeleni,
vendar se že glasba rojeva
in verz si za verzom sledi.

Skoz čas, ki beži mimo mojega,
skoz smeh naš trenutni in plač,
že čujem: nekje tam v prihodnosti
napev zaigra trobentač.

Brhko, kot bi čudežno plesala,
leti, kjer se križa promet,
res važna, edinstvena pesmica,
ki nisem je utegnil zapet.

ЖИВОПИСЦЫ

Живописцы, окуните ваши кисти
В суету дворов арбатских и в зарю,
Чтобы были ваши кисти словно листья.
Словно листья,
Словно листья к ноябрю.

Окуните ваши кисти в голубое,
По традиции забытой городской,
Нарисуйте и прилежно, и с любовью,
Как с любовью
Мы проходим по Тверской.

Мостовая пусть качнётся, как очнётся!
Пусть начнётся, что ещё не началось!
Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтётся...
Что гадать нам:
Удалось – не удалось?

Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы,
Наше лето, нашу зиму и весну...
Ничего, что мы – чужие.
Вы рисуйте! Я потом,
Что непонятно, объясню.

SLIKARJI

Svoje čopiče, slikarji, pomočite
v direndaj dvorišč arbatskih, v zarje sij,
svoje čopiče v listje spremenite.
V pravo listje,
ki na jesen rumeni.

Pomočite svoje čopiče v modrino
po navadi, ki pozna jo vsak meščan.
Prosim, slikajte ljubeče in marljivo,
kot pobožno
gre po Tverski Moskovčan.

Naj zaziblje cestni tlak se, naj se zdrami!
Kar pričelo se še ni, naj se prične!
Vi le slikajte, obresti so pred vami...
Kaj bi ugibal:
je uspelo ali ne?

Kot sodnik usodo našo nam naslikaj,
našo zimo in poletje in pomlad...
Kaj za to, če mi smo tujci. Ti le slikaj!
Kar ni jasno,
razložim potem prav rad.

ЧЁРНЫЙ КОТ

Со двора подъезд известный
Под названием чёрный ход.
В том подъезде, как в поместье,
Проживает чёрный кот.

Он в усы усмешку прячет,
Темнота ему, как щит.
Все коты поют и плачут,
Только чёрный кот молчит.

Он давно мышей не ловит,
Усмехается в усы,
Ловит нас на честном слове,
На кусочке колбасы.

Он не бегает, не просит,
Жёлтый глаз его горит,
Каждый сам ему выносит
И спасибо говорит.

Он и звука не проронит,
Только ест и только пьёт.
Лестницу когтями тронет –
Как по горлу поскребёт.

Оттого-то, знать, невесел
Дом, в котором мы живём...
Надо б лампочку повесить, –
Денег всё не соберём.

PESEM O ČRNEM MUCU

“Stranski vhod” prehod je pravi,
da izvlečeš se iz muk;
v tem prehodu po navadi
blag kraljuje Črni Muc.

On pod brki se nasmiha
in tema je zanj kot ščit...
Mijavka maček vsak in vika,
Črni Muc lepo molči.

Ne lovi že davno miši,
le pod brki se reži;
goljufa pa vse pri hiši,
ko za hrano se podi.

Ne zahteva, nič ne vpraša,
le pogled njegov gori,
vsakdo mu kar sam prinaša
in v zahvalo ga časti.

Sploh ne zine ta naš muc,
samo pije, samo žre,
kremplje kdaj ob pod si brusi,
nam pa stiska se srce.

In zato res ni veselo
v hiši, kjer naš Muc živi,
z lučko bi posvetil belo,
žal, za to denarja ni.

ПЕСЕНКА О МЕТРО

Мне в моём метро никогда не тесно,
Потому что с детства оно как песня,
Где вместо припева, вместо припева:
„Стойте справа, проходите слева!”

Порядок вечен, порядок свят:
Те, что справа стоят – стоят,
Но те, кто идут, всегда должны
Держаться левой стороны!

PESEM O MOSKOVSKEM METROJU

Ko se spustim v metro, nikoli mi ni tesno,
saj me že z otroštva spremlja s pesmijo,
je pesem brez napeva in vendarle odmeva:
“Stojte desno, za prehod je leva!”

Red je večer, red veli:
kdor se desne drži, naj stoji,
a kdor gre naprej, naj se drži
vedno leve le strani.

ПЕСЕНКА О МОЕЙ ЖИЗНИ

А как первая любовь – она сердце жжёт,
А вторая любовь – она к первой льнёт,
А как третья любовь – ключ дрожит в замке,
Ключ дрожит в замке, чемодан в руке.

А как первая война – да ничья вина,
А вторая война – чья-нибудь вина,
А как третья война – лишь моя вина,
А моя вина – она всем видна.

А как первый обман – на заре туман,
А второй обман – закачался пьян,
А как третий обман – он ночи темней,
Он ночи темней, он войны страшней.

PESEM O MOJEM ŽIVLJENJU

In ob prvi ljubezni – pod srcem goriš!
In ob drugi ljubezni – k prvi bežiš!
In ob tretji ljubezni – pri durih čepiš,
pri durih čepiš, kovček držiš.

In ko prva je vojna – kdo naj bo kriv?
In ko druga je vojna – nekdo je pač kriv!
In ko tretja je vojna – vsak ve, da sem kriv,
čisto sam sem zdaj kriv in le kam bi se skrtil?

In ob prvi golfiji – ob zori megla,
in ob drugi golfiji – pijan se zavaljaš ob tla.
In je tretja golfija: temnejša od noči,
temnejša od noči, pred njo vojna zbledi.

МУРАВЕЙ

„Мне нужно на кого-нибудь молиться.”
Подумайте, простому муравью
Вдруг захотелось в ноженьки валиться,
Поверить в очарованность свою!

И муравья тогда покой покинул,
Всё показалось будничным ему,
И муравей создал себе богиню
По образу и духу своему.

И в день седьмой, в какое-то мгновение,
Она возникла из ночных огней
Без всякого небесного знаменья...
Пальтишко было лёгкое на ней.

Всё позабыв – и радости и муки,
Он двери распахнул в своё жильё
И целовал обветренные руки
И старенькие туфельки её.

И тени их качались на пороге.
Безмолвный разговор они вели,
Красивые и мудрые, как боги,
И грустные, как жители земли.

MRAVLJA

“Nekomu moram čast izkazovati!”
Odloči mala mravlja se nekoč,
da mora nujno se ob tla metati,
zaupati v čarobno svojo moč.

Svoj mir tedaj je mravlja izgubila
in svet vsakdana zanjo bil je pust,
boginjo si je mravlja naredila,
podobo svojo dala ji in duh.

In sedmi dan, ko ura je odbila,
iz nočnih ognjev ona je prišla,
na sebi znamenj božjih ni nosila,
ogrnjena v star plašček je bila.

In mravlja muke, radosti pozabi,
odpre široko vrata ji v svoj dom,
poljublja roke, ki jih veter gladi,
in čeveljčke ponošene v poklon.

Dve senci sta se zibali na pragu,
sta tiho govorili brez besed,
prekrasni in premodri, kot so v raju,
obenem pa otožni, kot je svet.

ГОЛУБОЙ ШАРИК

Девочка плачет: шарик улетел.
Её утешают, а шарик летит.

Девушка плачет: жениха всё нет.
Её утешают, а шарик летит.

Женщина плачет: муж ушёл к другой.
Её утешают, а шарик летит.

Плачет старуха: мало пожила...
А шарик вернулся, а он голубой.

PESEM O ZRAČNEM BALONČKU

Punčka se joče – balonček je ušel,
nekdo jo tolaži, balonček leti.

Deklica joče – ženina še ni,
nekdo jo tolaži, balonček leti.

Žena se joče – mož je drugo vzal,
nekdo jo tolaži, balonček leti.

Joče se starka – je sploh kaj bilo?
Balonček, zdaj moder, prišel je nazaj.

ПЕСЕНКА О МОЦАРТЕ

Моцарт на старенькой скрипке играет.
Моцарт играет,
А скрипка поёт.
Моцарт отечества не выбирает –
Просто играет всю жизнь напролёт.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
Наша судьба –
То гульба, то пальба...
Не оставляйте стараний,
Маэстро,
Не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь
На остановке конечной
Скажем спасибо и этой судьбе,
Но из грехов своей родины вечной
Не сотворить бы кумира себе.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
Наша судьба –
То гульба, то пальба...
Не расставайтесь с надеждой,
Маэстро,
Не убирайте ладони со лба.

Коротки наши лета молодые:
Миг –
И развеются, как на кострах,
Красный камзол,
Башмаки золотые,
Белый парик,
Рукава в кружевах.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
Наша судьба –
То гульба, то пальба...
Не обращайтесь внимания,
Маэстро,
Не убирайте ладони со лба.

PESEM O MOZARTU

Mozart igra na postarno violino,
poje violina,
ko Mozart igra,
Mozart za svojo ne ve domovino,
on le igra dan na dan od srca.
In, kaj za to, če v življenje se pestro
vrine usoda
zapitega dne...
Vi le poskusite znova,
maestro,
s čela nikdar ne umaknite roke.

Tam pač
nekje, kjer je zadnja postaja,
še tej usodi zapojemo spev,
tudi če grehov iz rodnega kraja
ne bi v malike spreminjal in pel.
In, kaj za to, če v življenje se pestro
vrine usoda
zapitega dne...
Up naj vam bo zvest prijatelj,
maestro,
s čela nikdar ne umaknite roke.

Kakor da kres bi zanetil
poletni,
naša mladost razprši se. Je hip.
Jopič rudeč,
zlata čeveljčki čedni,
bela lasulja,
rokavi iz čipk.
In, kaj za to, če v življenje se pestro
vrine usoda
zapitega dne...
Vi se za to ne zmenite,
maestro,
s čela nikdar ne umaknite roke.

ПЕСЕНКА О НОЧНОЙ МОСКВЕ

Когда внезапно возникает ещё неясный голос труб,
Слова, как ястребы ночные срываются с горячих губ,
Мелодия, как дождь случайный, гремит; и бродит меж
людьми
Надежды маленький оркестрик под управлением любви.

В года разлук, в года сражений, когда свинцовые дожди
Лупили так по нашим спинам, что снисхождения не жди,
И командиры все охрипли... он брал команду над людьми,
Надежды маленький оркестрик под управлением любви.

Кларнет пробит, труба помята, фагот, как старый посох,
стёрт,
На барабане швы разлезлись... Но кларнетист красив как
чёрт!
Флейтист, как юный князь, изящен... И вечно в сговоре с
людьми
Надежды маленький оркестрик под управлением любви.

PESEM O MOSKVI PONOČI

Ko se nenadoma zasliši, kako trobent se širi glas,
se jastrebi noči, besede, usujejo iz ust, kot plaz,
in melodija, dež slučajni, grmi; in hodi med ljudi
orkester mali, kjer taktirko ljubezen, upanje drži.

Takrat, ko smo bili narazen in naokrog – ves dan spopad,
ko dež svinčen je hrbte lupil, da hip bi vsaj zadihal rad,
ko so poveljniki hripeli... le on je vladal nad ljudmi:
orkester mali, kjer taktirko ljubezen, upanje drži.

Trobenta, klarinet – predrta, fagot, kot palica, je nag,
po šivih boben je razparan... Klarinetist pa lep, kot vrag!
Kot mladi knez flavtist je čeden... Pač vedno sklada se z ljudmi
orkester mali, kjer taktirko ljubezen, upanje drži.

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Виноградную косточку в тёплую землю зарю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
И друзей созову,
На любовь своё сердце настрою...
А иначе зачем
На земле этой вечной живу?

Собирайтесь-ка, гости мои, на моё угощение,
Говорите мне прямо в лицо,
Кем пред вами слыву,
Царь небесный пошлёт
Отпущение мне
И прощение...
А иначе зачем
На земле этой вечной живу?

В тёмно-красном своём будет петь для меня моя Дали,
В чёрно-белом своём преклоню перед нею главу,
И заслушаюсь я,
И умру от любви и печали...
А иначе зачем
На земле этой вечной живу?

А когда заклубится закат,
По углам залетая,
Пусть опять и опять предо мною плывут наяву
Синий буйвол,
И белый орёл,
И форель золотая...
А иначе зачем
На земле этой вечной живу?

GRUZIJSKA PESEM

Zasadim pečko jagode grozdne v zemljico toplo,
vinsko lozo poljubim, utržem si grozd dozorel,
sem prijatelje zbral
in srce za ljubezen je godno...
Le čemu bi sicer
na zemlji tej večni živel?

In le pridite, gostje predragi, na mojo gostijo,
in povejte naravnost v obraz,
če se kdaj pregrešim,
moje grehe že
Oče nebeški nekoč
odpustijo...
Le čemu naj sicer
na zemlji tej večni živim?

V temno-rdečem nečem pela Dali bo pesem sladkosti,
v črno-belem nečem bom priklanjal glavo in strmel,
zatopljen v sladki glas
od ljubezni umrem in bridkosti...
Le čemu bi sicer
na zemlji tej večni živel?

In ko pride moj dan, pa čeprav
po ovinkih zavija,
da iz sanj bi priplavali znova na dan, si želim,
beli bivol
in zlata postrv
in orla sinjina...
Le čemu naj sicer
na zemlji tej večni živim?

ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
В последний, случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
Верши по бульварам кружение,
Чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи,
Крушенье, крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
Твои пассажиры – матросы твои –
Приходят на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
Я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
В молчанье, в молчанье.

Полночный троллейбус плывёт по Москве,
Москва, как река, затухает,
И боль, что скворчонком стучала в виске,
Стихает, стихает.

POLNOČNI TROLEJBUS

Takrat, ko nemočno pred bedo stojim,
ko bliža obup se porazni,
v plav trolejbus sedem, kjer pač ga dobim,
v slučajni in zadnji.

Moj trolejbus zadnji, le dirjaj naprej,
po cestah, obvozu, bulvarju,
da vseh bi pobral, ki v noči so tej
podlegli viharju.

Moj trolejbus zadnji, mi vrata odpri!
Jaz vem, da tako kot mornarji
le potniki tvoji, v hladu noči,
pomagajo radi.

Ob njih ne enkrat sem se bede znebil,
k njim stisnil se, rama ob rami...
Nešteto dobrote sem v molku odkril,
v molku med nami.

Po moskovskih ulicah trolejbus gre,
zdaj Moskva, kot reka, je lena,
in bol, ki kot škorec je bila v sencé,
pojema, pojema.

ФРАНСУА ВИЙОН

Пока земля ещё вертится, пока ещё ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
Мудрому дай голову, трусливому дай коня,
Дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Пока Земля ещё вертится, – Господи, твоя власть! –
Дай рвущемуся к власти навластиваться всласть,
Дай передышку щедрому, хоть до исхода дня.
Каину дай раскаяние...
И не забудь про меня.

Я знаю: ты все умеешь, я верую в мудрость твою,
Как верит солдат убитый, что он проживает в раю,
Как верит каждое ухо тихим речам твоим,
Как веруем и мы сами,
Не ведая, что творим!

Господи, мой Боже, зеленоглазый мой!
Пока Земля ещё вертится, и это ей странно самой,
Пока ей ещё хватает времени и огня,
Дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

FRANÇOIS VILLON

Dokler se zemlja še vrti, dokler še luč gori,
Gospod, daj vendar vsakomur, kar si najbolj želi:
modremu daj glavo in plašljivemu konja daj,
daj srečnežu denarja...
še name spomni se kdaj.

Dokler se zemlja še vrti, tvoja, Gospod, je oblast!
Naj kdor k oblasti sili, v oblasti najde slast!
Zadiha naj dobričina, vsaj, da mine dan,
Kajinu daj kesanje in...
še name spomni se kdaj.

Saj vem, da ti vse zmoreš, v tvojo verjamem modrost,
tako kot vojak ubiti verjame v raj in prostost,
kot vsako uho verjame, kar mu ti praviš molče,
tako kot verjamemo vsi,
ko trudimo se nevede!

Gospod, moj Gospod, moj Bog z zelenimi očmi!
Dokler se zemlja še vrti, da še njej se to čudno zdi,
dokler nam še ostaja časa in ognja kaj,
daj vsem ljudem kaj po malem...
Še name spomni se kdaj.

ПЕСЕНКА СТАРОГО ШАРМАНЩИКА

Шарманка-шарлатанка, как сладко ты поёшь!
Шарманка-шарлатанка, куда меня зовёшь?
Шагаю еле-еле: вершок за пять минут.
Но как дойти до цели, когда ботинки жмут?

Работа есть работа. Работа есть всегда.
Хватило б только пота на все мои года.
Расплата за ошибки – она, ведь, тоже труд.
Хватило бы улыбки, когда под рёбра бьют!

PESEM STAREGA LAJNARJA

Hej, lajna ti sleparska, sladko odmeva glas!
Hej, lajna šarlatanska, kam spet zavajaš nas?
In komaj komaj hodim, kot polž korak moj gre;
ne pridem k cilju, sodim, saj čevlji me tišče!

In delo je pač delo, brez dela ni jedi...
Bogve če potno čelo ohranil bom vse dni!
Da se opereš greha – še to je delo, trud...
Dobil bi le nasmeha, ko je trenutek hud.

ТРИ СЕСТРЫ

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы,
Молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.

Расплатиться бы сыну недоброго века,
Да пусты кошельки упадают с руки...
– Не грусти, не печалуйся, о моя Вера, –
Остаются ещё у тебя должники!

И ещё я скажу, и бессильно и нежно,
Две руки виновато губами лоя:
– Не грусти, не печалуйся, мать Надежда, –
Есть ещё на земле у тебя сыновья!

Протяну я Любви ладони пустые,
Покаянный услышу я голос её:
– Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
Я себя раздарила во имя твоё.

Но какие бы руки тебя ни ласкали,
Как бы пламень тебя ни сжигал неземной,
В троекратном размере болтливость людская
За тебя расплатилась, ты чист предо мной!

Чистый-чистый лежу я в наплывах рассветных,
Перед самым рождением нового дня.
Три сестры, три жены, три судьи милосердных
Открывают бессрочный кредит для меня.

TRI SESTRE

Temno-modro zaveso bi, prosim, zakrili.
Sestra, svojih zelišč ne pripravljaj mi več.
So ob vzglavju se upniki moji dobili:
Vera, Nada, Ljubezen. Vsak čaka molčeč.

Še in še naj bi plačal sin veka, ki hira,
a denarnica, prazna, mu pade na tla...
Ne žaluj in obriši solze, moja Vera,
saj dolžnike še vedno nekje boš našla!

In še to bom povedal slabotno in nežno,
ko s poljubom za krivdo dve roki lovim:
ne žaluj, sestra Nada, briši solzo si bežno,
še nekje ti ostaja na svetu kak sin!

Ko ponujam Ljubezni dlani svoje prazne,
kakor grešnik skesano poslušam njen glas:
ne žaluj in ne joči, spomin ne usahne,
sem v imenu se tvojem razdajala jaz.

Naj so roke te božale take, drugačne,
naj ta svet ali ne nétil plamen je tvoj,
vsaj trikratno je zate ljudi blebetanje
že izplačalo dolg... Ti si čist pred menoj!

Čisti, čisti ležim, tik pred vzhodom danice,
ko blešči na obzorju se jutranji svit...
So usmiljenke tri, sestre, žene, sodnice
mi izdale brez roka odprti kredit.

ALEKSANDER GALIČ
АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ

СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере... к этакой матери.
Но поскольку молчание – золото.
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи – попадёшь в богачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надёжности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а за!
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду...
А молчальники вышли в начальники.
Потому что молчание – золото.

Промолчи – попадёшь в первачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маята.
Но под всеми словесными перлами
Проступает пятном немота.
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем – доходней молчание,
Потому что молчание – золото!

Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть – в палачи:
Промолчи, промолчи, промолчи!

VALČEK ISKALCEV ZLATA

Že od nekdanj se družim z odraslimi,
pač ko otroštvu nazaj ni poti,
za zakladom na otok le pravljčni
fantazija mi več ne beži;
ne v puščavo in ne v ledeno dalj
in ne z ladjo... za mater hudičevo...
Če pa molk je zlato, vam besedo dam,
da zlato tudi mi vestno iščemo.

Če molčiš, se bogato rediš!
Če molčiš, če molčiš, če molčiš!

Do srca brez posluha, brez pameti,
še oči smo prikriji si v bran,
kolikrat smo molčali že vajeni,
saj ne proti, seveda le za!
Kam so šli, ki kričali so, jókali?
Ni jih več, že smo nanje pozábili...
Le molčeči so k šefom pristopali,
so na zlati svoj molk pridno pázili.

Če molčiš, prav pri vrhu sediš!
Če molčiš, če molčiš, če molčiš!

In sedaj, ko že vsi smo direktorji,
nas obsedla je govorov strast
in za frazami, izpod reflektorjev,
nemo širi se molk, skupna last.
Naj zdaj drugi na glas obupujejo,
ki jih z gladom, trpljenjem so žalili!
Mi vemo, kaj vse molku dolgujemo,
smo na zlati svoj molk pridno pázili.

Ni težko – in bogat se rediš!
Ni težko – in pri vrhu sediš!
Ni težko – in kot rabelj moriš:
če molčiš, če molčiš, če molčiš!

АВЕ МАРИЯ

Дело явно липовое – всё, как на ладони,
Но пятую неделю долбят допрос,
Следователь-хмурик с утра на валидоле,
Как пророк подследственный бородой оброс...

А Мадонна шла по Иудее
В платъице застиранном до сини,
Шла Она с котомкой за плечами,
С каждым шагом делаясь красивей,
С каждым вздохом делаясь печальней,
Шла, платок на голову набросив –
Всех земных страданий средоточье,
И уныло брёл за Ней Иосиф,
Убежавший славы Божий отчим... Аве Мария...

Упекли пророка в республику Коми,
А он и перекинись башкою в лебеду,
А следователь-хмурик получил в местком
Льготную путёвку на месяц в Теберду...

А Мадонна шла по Иудее,
Оскользясь на размокшей глине,
Обдирая платье о терновник,
Шла она и думала о Сыне,
И о смертных горестях сыновних.
Ах, как ныли ноги у Мадонны,
Как хотелось всхлипнуть по-ребячьи,
А вослед Ей ражие долдоны
Отпускали шутки жеребьячи... Аве Мария...

Грянули впоследствии всякие хренации,
Следователь-хмурик на пенсии в Москве,
А справочку с печатью о реабилитации
Выслали в Калинин пророковой вдове...

А Мадонна шла по Иудее!
И всё легче, тоньше, всё худее
С каждым шагом становилось тело...

AVE MARIJA

Stvar je čisto izmišljena, dokazi tu so, jasni,
vendar zasliševanje se vleče mesec dni.
Je ob živce navsezgodaj preiskovalec mračni,
jetnik pa je, kot prerok, nemarno neobrit.

Je Madona šla po Judeji
v obleki od pranja prepereli,
šla je Ona z malho na ramenih,
lepša vsak korak po cesti beli,
vzdih je le povečal žalost revi.
Šla je, ruto je na glavo dala,
Vanjo vse trpljenje se je steklo
in za Njo potrto Jožef tava,
on, ki mu nebo je slavo odreklo... Ave Marija...

Preroka v daljni lager, v Komi so izgnali
in tam je pač obležal, zatisnil je oči.
Preiskovalcu v partiji prijatelji so dali
plačani dopust v Teberdi za mesec dni.

Je Madona šla po Judeji,
padala na tla, na mokro glino,
trnje Ji je trgalo obleko.
Šla je in razmišljala o Sinu,
da le smrt mu dala je uteho.
Noge bolj in bolj so krvavele,
kot otrok zajókala bi malo,
a za Njo zbadljivci, kot hijene,
svinjsko so prirejali Ji šalo... Ave Marija...

Prišle na dan so končno vse te mahinacije,
preiskovalec mračni odšel je že v pokoj
in dokument s pečatom o rehabilitaciji
prerokovi so vdovi odpravili takoj.

Je Madona šla po Judeji
in še tanjše, lažje in upalo
Njeno je telo vsak hip postalo...

А вокруг шумела Иудея
И о мёртвых помнить не хотела,
Но ложились тени на суглинок,
И таились тени в каждой пяди,
Тени всех бутырок и треблинок,
Всех измен, предательств и распятий... Аве Мария!..

Krog in krog šumela je Judeja
in se mrtvih spomnit ni hotela.
A na glino senca je grozeča
legla v vsako ped in jo zakrila,
vseh Butyrk, Treblink težko moreča
senca vseh prevar, izdaj in križanj... Ave Marija...

ГУСАРСКАЯ ПЕСНЯ

По рисунку Палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В чёрной бурке на коне.

Тёзка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная, „летальная” –
Как сказали бы врачи.

Славно, братцы, славно, братцы, славно братцы – егеря!
Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, ах соколы-орлы,
Кому вы в сердце метили, ле-пажевы стволы?
Не мне ль вы в сердце метили, ле-пажевы стволы!

А беда явилась за полночь,
Но не пулею в висок,
Просто в путь, в ночную заволочь,
Важно тронулся возок.

„И не спеть, не выпить водочки,
Не держать в руке бокал!”
Едут трое, сам в серёдке,
Два жандарма по бокам.

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы – егеря!
Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, пора бы выйти в знать,
Но этой арифметики поэтам не узнать,
Ни прошлым и не будущим поэтам не узнать.

Где ж друзья твои, ровесники?
Некому тебя спасать!
Началось всё дело с песенки.
А потом – пошла писать!

И по мукам, как по лезвию...

HUZARSKA PESEM

Na podlagi risbe s Paljeha
je nekdo v preprogo vtikal
Aleksandra Polježajeva,
konja, plašč mu je dodal.

V srcu se bridkost nabrala je,
moj zavidan imenjak!
Ta zavist letalno tajna je,
kot dejal zdravnik bi vsak.

Živio bratci, živio bratci, lovski polk naj naš živi,
živio bratci-lovci vsi, carju ste najljubši vi!
V čaki, v lepem dolmanu, s sokoljimi očmi,
le koga si na muhi imel, ko usmerjal si cevi?
Si mene mar na muhi imel, ko usmerjal si cevi!?

In prišlo je zlo že pozno v noč,
pa čeprav ni počil strel,
čisto mirno, važno, v nočno pot
vlak s postaje je odšel.

“Vodke nič in da ne poješ mi!
Čaše v roke ti ne dam!”
Smo trije in jaz lepo sedim
s policajem tu in tam.

Živio bratci, živio bratci, lovski polk naj naš živi,
živio bratci-lovci vsi, carju ste najljubši vi!
V čaki, v lepem dolmanu, naj svet vas le spozna,
čeprav tej vaši logiki se pesnik ne vda,
ne včerajšnji, ne jutrišnji se pesnik ne vda.

Kje vrstniki ste, prijatelji?
Kdo naj reši te sedaj!
Vse pričelo se je s pesmico
in potem – Bog vedi kaj!

Tvoja pot kot po rezilu gre,

Размышляй теперь о том,
То ли броситься в поэзию,
То ли сразу – в жёлтый дом...

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, возвышенная речь!
А всё-таки наветики страшнее, чем картечь
Доносы и наветики страшнее, чем картечь!

По рисунку Палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В чёрной бурке на коне.

Но оставь, художник, вымысел,
Нас в герои не крои,
Нам не знамя жребий вывесил,
Носовой платок в крови...

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, нерукотворный стяг!
И дело тут не в метрике, столетие – пустяк!
Столетие, столетие, столетие – пустяк...

ti pa tuhtaj, kaj bi izbral:
bi na stvarnost gledal pesniško?
Bi v norišnico se dal?

Živio bratci, živio bratci, lovski polk naj naš živi,
živio bratci-lovci vsi, carju ste najljubši vi!
V čaki, v lepem dolmanu, je vzvišen govor tvoj!
A ovaduh te rani bolj kot topovski naboj,
obrekovanje bolj boli kot topovski naboj!

Na podlagi risbe s Paljeha
je nekdo v preprogo vtikal
Aleksandra Polježajeva,
konja, plašč mu je dodal.

In zato, umetnik, nehaj že,
kaj o junaštvu bi lagal,
usoda prapor nam odvzela je:
žepni robec ves krvav.

Živio bratci, živio bratci, lovski polk naj naš živi,
živio bratci-lovci vsi, carju ste najljubši vi!
V čaki, v lepem dolmanu, zastav ni šil nihče!
Res, tu ne gre za metriko, stoletje mimo gre,
stoletje in stoletje in stoletje – mimo gre!

ОБЛАКА

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыплёнка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века!

Я подковой вмёрз в санный след,
В лёд, что я кайлом ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах снега наст!
До сих пор в ушах шмона гам!..
Эй подайте ж мне ананас
И коньячку ещё двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия – ни к чему.

Я и сам живу – первый сорт!
Двадцать лет, как день, разменял!
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня!

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвёртого – перевод,
И двадцать третьего – перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках!
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

OBLAKI

Spet oblaki v vetru gredo,
kakor v kinu počasi lete.
Jaz pa jem na žaru meso
in sem konjak naročil, seve.

V Abakan oblaki gredo
in nikamor se jim zdaj ne mudi.
In vse kaže, da njim je lepo –
jaz premražen pa sem za vse dni!

In vkovan kot podkev sem v led,
po katerem s krampom sem ril!
Ne zaman sem pač dvajset let
vsako jutro lager budil.

Sren še vedno žge mi v obraz,
še zveni krik in vik preiskav.
Daj, prinesi mi še ananas,
boš dva deci mi konjaka dal!

Spet oblaki v vetru gredo,
v Kolymu pot prijetna pelja,
njim v pomoč odvetnik ne bo,
amnestija za njih ne velja.

Tudi jaz zdaj odlično živim!
Dvajset let sem kot dan daroval!
Zdaj gosposko v beznici sedim
in zobe sem celo obdržal.

Hodi oblak na vzhod celi vek,
zanj za penzijo ni nujen pečat...
Jaz četrtega vnovčim svoj ček,
za tri tedne spet sem bogat.

In tako kot jaz se tedaj
pol dežele v krčme seli.
Naš spomin pa spet v tisti kraj
kot oblak za oblakom beži...

НОЧНОЙ ДОЗОР

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.
Сотни тысяч (и все – похожие)
Вдоль по лунной идут дорожке,
И случайные прохожие
Кувыркаются в „неотложки”.
И бьют барабаны!..

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно:
Одинокий шагает памятник,
Повторённый тысячекратно.
То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки,
И за ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки.
И бьют барабаны!..

Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию!
Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведёт процессию.
Он выходит на место лобное,
„Гений всех времён и народов!”
И как в старое время доброе
Принимает парад уродов!
И бьют барабаны!..

Прёт стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей,
Вот сапог громыхает маршево,
Вот обломанный ус топорщится!
Им пока – скрипеть, да поругиваться,
Да следы оставлять линючие,
Но уверена даже пуговица,
Что сгодится ещё при случае.

NOČNI OBHOD

Ko poleže se vzdušje praznično,
ko spe grešniki in pravičniki
iz državnih zalog spet lazijo
spomeniki, že uskladiščeni.
V mesečini se zdaj sprehajajo
sto in tisoči – vsi enaki,
v nezavesti po cesti padajo
redki pešci in ponočnjaki.
In bobni bobnijo!...

In obstalo na uri nihalo je,
že kazalci vrte se obratno,
sam koraka po cesti, važno gre
kip, posneman že tisočkratno.
Kip je bronast in kip je mramornat,
s pipo, brez nje, v vsakršni drži,
in kot val, ki spremlja ga val morja,
za njim šepajo mavčevi štrclji.
In bobni bobnijo!...

Spreleti me mraz, ko skoz okno zrem,
kakor, da pod ničlo sto je Celzija,
sam generalisim, v bron odet,
to burkaško vodi procesijo.
Tam, kjer car je moril, ukaz dal nov,
kot da vrača v stare se čase,
stoji "genij vseh časov in narodov",
ko v povorki se zvrščajo spake.
In bobni bobnijo!...

Kot en mož mimo doma mojega
šara gre, od snažilke pozabljena,
škornja v maršu nekje tam topočeta,
tam spet ježi se brklja oblomljena.
Zdaj le kolnejo, komaj še migajo,
zadaj blede sledovi ostajajo,
pa še gumb koraka v prepričanju,
da prišel bo spet prav, ko bo čas za to.

И будут бить барабаны!

Утро родины нашей розово,
Позывные летят, попискивая,
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись гипсовые.
Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие,
Им бы гипсовым человечины –
Они вновь обретут величие!
И будут бить барабаны!..

In bodo bobni bobneli!...

Domovine jutro je rožnato,
spet signali letijo, piskajo,
se med svoje vrnil je Bronasti,
a v zasedi mavci se skrivajo.
In kljub temu, da zdaj so pohabljeni,
zaprášeni svoj lik vendar hranijo,
in mesa le človeškega dajte jim,
pa na vrhu spet se pojavijo.
In bodo bobni bobneli!...

ПОЕЗД

Ни гневом, ни порицанием
Давно уж мы не бряцаем:
Здороваемся с подлецами,
Раскланиваемся с полицаем.

Не рвёмся ни в бой, ни в поиск –
Всё праведно, всё душевно.
Но помни – отходит поезд!
Ты слышишь? Уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

А мы балагурим, а мы куролесим,
Нам недругов лезть, как вода из колодца!
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам –
Колёса, колёса, колёса, колёса...

Такой у нас нрав спокойный,
Что без никаких стараний
Нам кажется путь окольный
Кратчайшим из расстояний.

Оплачен страховки полис,
Готовит обед царевна...
Но помни отходит поезд,
Ты слышишь?! Уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

Мы пол отциклюем, мы шторы повесим,
Чтоб нашему раю – ни краю, ни сноса.
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам –
Колёса, колёса, колёса, колёса...

От скорости века в сонности
Живём мы, в живых не значась...
Непротивление совести –
Удобнейшее из чудачеств!

И только порой под сердцем

VLAK

Od nekdanj naš srd je tajen
in z grožnjo več ne rožljamo,
nizkotnežem roko damo,
se klanjamo policajem.

Pravica nas rajska obdaja,
le čemu nam boj bo spoznanja?
A vedi, da vlak odhaja!
Mar čuješ? Spet vlak odhaja,
vsak dan na pot se odpravlja.

Zabijamo šale, zabavni so kroki,
sovražnik te hvali in zdi se, da res je...
Nekje pa po progi, po progi, po progi,
kolesje, kolesje, kolesje, kolesje...

Zato, ker tih naš značaj je,
brez truda zavest nam je dana,
da zdi se najkrajše razdalje
pot po ovinkih speljana.

Obrok na varnost je plačan,
naš angel kosilo pripravlja...
A vedi, da vlak odhaja!
Mar čuješ? Spet vlak odhaja,
vsak dan na pot se odpravlja.

Da raj naš držal se na trdni bi nogi,
lakiramo pode, na oknih zavesa...
Nekje pa po progi, po progi, po progi,
kolesa, kolesa, kolesa, kolesa...

Dremotna nam bit zdi se živa
v stoletju, ki hip mu je mera.
Udobno čudaštvo po skriva
le vest, ki več se ne upira.

Le kdaj bol pri srcu izdaja

Кольнёт тоскливо и гневно –
Уходит наш поезд в Освенцим,
Наш поезд уходит в Освенцим
Сегодня и ежедневно!

А как наши судьбы – как будто похожи –
И на гору вместе, и вместе с откоса!
Но вечно – по рельсам, по сердцу, по коже –
Колёса, колёса, колёса, колёса!

tvoj gnev in togotno oznanja:
naš vlak v Oswęcim odhaja,
v Oswęcim vlak naš odhaja,
vsak dan na pot se odpravlja.

In skupna usoda življenji dve spaja,
hodila sva v pekel, še prej pa v nebesa!
A v srcu, po koži, po progi brez kraja,
kolesa, kolesa, kolesa, kolesa!

БОЛЬНИЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА

А начальник всё, спьяну, про Сталина,
Все хватает баранку рукой,
А потом нас, конечно, доставили
Санитары в приёмный покой.
Сняли брюки с меня и кожаночку,
Всё моё покидали в мешок,
И прислали Марусю-хожалочку,
Чтоб дала мне живой порошок.

А я твердил, что я здоров,
А если ж, печки-лавочки,
То в этом лучшем из миров
Мне всё давно до лампочки,
Мне всё равно, мне всё давно
До лампочки!

Вот лежу я на койке, как чайничек,
Злая смерть надо мною кружит,
А начальничек мой, а начальничек,
Он в отдельной палате лежит.
Ему нянечка шторку подвесила,
Создают персональный уют,
Водят к гаду еврея-профессора,
Передачи из дома дают!

А там икра, а там вино,
И сыр, и печки-лавочки!
А мне – больничное говно,
Хоть это и до лампочки,
Хоть всё равно, мне всё давно
До лампочки!

Я с обеда для сестрина мальчика
Граммов сто отолью киселю,
У меня ж ни кола, ни калачика,
Я с начальством харчи не делю!
Я возил его, падлу, на „чаечке”,
И к Маргошке возил, и в Филю,

BOLNIŠKA CIGANSKA

Šef, pijan, mi razlagal je Stalina,
za volan se prijel na vso moč,
naju služba zdravniška je spravila
pač v oddelek za prvo pomoč.
Kar imel sem, vse v vrečo so stlačili,
slekli hlače in suknjič usnjen
in so sestro Marusjo poslali mi
s poživilom, ki naj ga požrem.

Jaz pa sem trdil, da sem zdrav,
če ni tako, je, kar pač je,
saj v družbi tej, kjer vse je prav,
od nekdanj že prav mar mi je,
ne briga me, od nekdanj že
prav mar mi je!

Kakor čajnik se kuham zdaj v postelji,
smrt zlohотно nad mano lebdi,
šefu mojemu pa so pogostili,
v enoposteljni sobi leži.
Je zaveso mu sestra obesila,
res udobno živi, kot doma,
rad bi videl še Juda, profesorja,
sporočilo zanj z doma ima.

Tam ikre, vina na pretek
in sir in vsega, kar pač je,
jaz pa dobim bolniški drek,
čeprav še to prav mar mi je,
ne briga me, od nekdanj že
prav mar mi je!

Sestri dal sem za njenega malega
kisli sok, ki za obed ga dobim,
sem na psu, brez kolača, brez sladkega,
jaz z upravo jedi ne delim!
Moral, mrho, okrog sem vozariti,
pa k Margoški, spet s "čajko" v Fili,

Ой, вы добрые люди, начальнички!
Соль и гордость родимой земли!

Не то он зав, не то он зам,
Не то он печки-лавочки,
А что мне зам! Я сам с усам,
И мне чины до лампочки,
Мне все чины да ветчины
До лампочки!

Надеваю я утром пижамочку,
Выхожу покурить в туалет,
И встречаю Марусю-хожалочку, –
Сколько зим, говорю, сколько лет!
Доложи, говорю, обстановочку,
А она отвечает не в такт –
Твой начальничек дал упаковочку –
У него получился инфаркт! –

На всех больничных корпусах
И шум, и печки-лавочки,
А я стою – темно в глазах,
И как-то всё до лампочки,
И как-то вдруг мне всё вокруг
До лампочки...

Да, конечно, гражданка гражданочкой,
Но когда воевали, братва,
Мы ж с ним вместе под этой кожаночкой
Ночевали не раз и не два,
И тянули спиртягу из чайника,
Под обстрел загорали в пути...
Нет, ребята, такого начальника
Мне, наверно, уже не найти!

Не слёзы это, а капель,
И всё, и печки-лавочки,
И мне теперь, мне всё теперь
Фактически до лампочки,
Мне всё теперь, мне всё теперь
До лампочки!

dobrih šefov res moč ni pozabiti,
saj so družbe ponos in stebri!

Je mar od "dir.", povrh še "dr.",
nič več od tega, kar pač je.
Mar meni "dir."! Sam vem, kaj sem,
za čine pa prav mar mi je,
za čin in gnjat pa še enkrat:
prav mar mi je!

Zjutraj vstanem, pižamo nadenem si,
da bi čik pokadil, grem v toalet,
in Marusjo zagledam, pa rečem ji:
"Celi vek se ne srečava več!
No, kako kaj, povej, kaj bo novega?"
Njen odgovor pa ni prav v odmev:
"So zavili v paket šefa tvojega,
je pred kratkim infarkt ga zadel."

Po bolnici nastane hrup
in to in ono, kar pač je,
jaz pa stojim – nesreče kup
in pravzaprav: prav mar mi je,
naenkrat spet, krog mene svet
prav mar mi je!

Res, življenje v civilu ne izmuči te,
ko pa skupaj sva v vojni bila,
ne enkrat pod usnjenim tem suknjičem
sva ponoči ležala oba.
Skupaj pila sva žganje iz čajnika
in pod ognjem sem sončil se z njim...
Fantje, takega šefa, res bajnega,
nikdar več, se mi zdi, ne dobim!

Le kapljica in nič solza
in to je vse – vse, kar pač je,
in še tega in sploh vsega
resnično zdaj prav mar mi je.
In vsi in vse naj k vragu gre:
prav mar mi je!

ОШИБКА

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были – и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка
Помёрзших ребят.
Только однажды мы слышим, как будто
Вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь – не вода!
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Так значит – беда!

Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы – ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!

NAPAKA

Pod zemljo ležimo nekje tam pri Narvi,
bili smo – nas ni.
Tu, kot na maršu, ležimo po parih,
pozdrav naš doni.

Budnica, vrag več fantov ne muči,
premrzlih kot led.
Nekoč pa zaslišimo, kot bi ponoči
trobentalo spet.

Dajte, vstanite, vi tamle, barabe,
saj kri ni vodá.
Če svoje padle Rusija vabi,
je beda doma.

Vstali smo s križem, še v činih vojaka,
v snežni megli.
Gledamo. Zvemo: bila je napaka.
In nas – kot da ni.

Kjer so med vojno padli vojaki,
neumno, zaman,
tam se po snegu podijo srnjaki,
rog trobi prostran.

МАРШ

Снова даль предо мной неоглядная,
Ширь степная и неба лазурь.
Не грусти ж ты моя ненаглядная,
И бровей своих тёмных не хмурь!

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт,
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке,
И значит – нам пора в поход!

В утро дымное, в сумерки ранние,
Под смешки и под пушечный бах
Уходили мы в бой и в изгнание
С этим маршем на пыльных губах!

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт,
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке,
И значит – нам пора в поход!

Не печальтесь о нас, наши милые,
Там – далёко, в родимом краю,
Мы всё те же простые и мирные,
Хоть шагаем в солдатском строю!

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт,
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке,
И значит – нам пора в поход!

Будут зори сменяться закатами,
Будет солнце катиться в зенит,
Умирать нам солдатам, солдатами,
Воскресать нам – одетым и гранит.

KORAČNICA

Spet pokrajine pred mano oddaljene,
stepe šir, ki nebo jo modri.
Ne žalujte, predrage, pozdravljene,
črne obrvi ne mrščite vi.

Naprej, za vodom vod,
že bojna trobenta zveni.
Prišel iz štaba
je ukaz zarana,
v pohod se nam sedaj mudi.

V svitu jutranjem, dimnem, megličastem,
še kak hec in je top že grmel,
mi odšli smo v boj, kot v izgnanstvo,
s prašnih grl je odmeval napev:

Naprej, za vodom vod,
že bojna trobenta zveni.
Prišel iz štaba
je ukaz zarana,
v pohod se nam sedaj mudi.

Ne žaluj za menoj, mila deklica,
v daljnem kraju, kjer domek je moj,
le miru si želim in domačnosti,
pa čeprav zdaj korakam v boj.

Naprej, za vodom vod,
že bojna trobenta zveni.
Prišel iz štaba
je ukaz zarana,
v pohod se nam sedaj mudi.

Za večerom sledila bo zarja spet,
še bo sonce hitelo v zenit.
Smrt junaška dolžnost je vojaških čet
in vstajenje, vklesano v granit.

Вперёд, за взводом взвод,
Труба боевая зовёт,
Пришёл из Ставки
Приказ к отправке,
И значит – нам пора в поход!

Naprej, za vodom vod,
že bojna trobenta zveni.
Prišel iz štaba
je ukaz zarana,
v pohod se nam sedaj mudi.

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Повстречала девчонка Бога,
Бог пил мёртвую в монопольке,
Ну, и много ль от Бога прока,
В чертовне и чаду попойки?

Ах, как пилось к полночи!
Как в башке гудело,
Как цыгане, сволочи,
Пели „Конавэлла”!

„Ай да Конавэлла, гран традела,
Ай да йорысака палалховела!”

А девчонка сидела с Богом,
К Богу фасом, а к прочим боком,
Ей домой бы бежать к папане,
А она чокается шампанью.

Ай ёлочки-мочалочки,
Сладко вина пьются
В серебряной чарочке
На золотом блюдце!

Кому чару пить?! Кому здраву быть?!
Королевичу Александровичу!

С самоваров к чертям полуда,
Чад летал над столами сотью,
А в четвёртом часу под утро,
Бог последнюю кинул сотню...

Бога, пьяного в дугу,
Все теперь цукали,
И цыгане – ни гу-гу,
Разбрелись цыгане,

И друзья, допив до дна, –
Скатертью дорога!

CIGANSKA ROMANCA

Je devica Boga spoznala
tam, kjer toči država žganje:
kaj bi sploh od Boga iskala,
ko pa Bog kot žival pijan je?

Kristus! To so pili tam,
vse se je vrtelo,
kot prasica pijan cigan
pel je *Konavello*:

“Aj, da Konavella, gran-tradela,
aj da jorysaka palalhovela!”

In vendar je devica séla,
pred seboj je v Boga strmela.
Kaj pa očka doma poreče?
Tu med vama šampanjec teče!

To so sladke urice!
Vince piješ blažen
iz srebrne kupice
na podstavku zlatem!

In zdravljico, zdaj, komu boš zapel?
Princu našemu Aleksandroviču!

In v lokalu so vsi kot nori,
samovarji leté in pladnji...
In ob štirih, že prav ob zori,
Bog zapil je stotak svoj zadnji...

Bog je zdaj pijan kot čep.
Kot bi se mudilo,
se cigani brez besed
tiho razpršijo.

Vsak je še izpil do dna.
Pot jih je pobrala!

Лишь девчонка та одна
Не бросала Бога.

А девчонка эта с Охты,
И глаза у ней цвета охры,
Ждёт маманя свою кровинку,
А она с Богом сидит в обнимку.

И надменный половой
Шваркал мокрой тряпкой,
Бог с поникшей головой
Горбил плечи зябко.

И просил у цыган хоть слова,
Хоть немножечко, хоть чуть слышно,
А в ответ ему – жбан рассола:
Понимай, мол, что время вышло!

Вместо водочки – вода,
Вместо пива – пена!...
И девчоночка тогда
Тоненько запела:

„Ай да Конавелла, гран-традела,
Ай да йорысака палалховела...”

Ах, как пела девчонка Богу!
И про поле, и про дорогу,
И про сумерки, и про зори,
И про милых, ушедших в море,

Ах, как пела девчонка Богу!
Ах, как пела девчонка Блоку!
И не знала она, не знала,
Что бессмертной в то утро стала.

Этот тоненький голос в трактирном чаду
Будет вечно звенеть в „Соловьином саду”.

In devica je samá
še ob Bogu stala.

Je devica doma iz Ohte
in oči ima barve okre;
čaka mati doma jo v joku,
ko se ona še stiska k Bogu.

In natakár je pred njo
z mokro cunjo čistil,
Bog od mraza je glavó
med ramena stisnil.

In cigane je prosil sladko,
za besedo, polglasno, kratko,
a v odgovor le poln škaf luga:
“Kaj še čakaš? Pošla je ura!”

Namesto vodke le vodá,
namesto piva, pena,
in devica iz srca
je tedaj zapela:

“Aj, da Konavella, gran-tradela,
aj da jorysaka palalhovela...”

In je pela devica Bogu
o večeru, o mračnem zoru
in o cesti, ki pelje v polje
in o teh, ki odšli so v morje.

In je pela devica Bogu
in je pela devica Bloku
in ni vedela, deva mala,
da nesmrtna je zdaj postala.

Tanki glas, ki v bezniškem je dimu zapel,
nežno v “Slavčevem vrtu” bo večno zvenel.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС (ТОНЕЧКА)

Она вещи собрала, сказала тоненько:
„А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней, с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папы у её топтун под окнами,
А что у папы у её дача в Павшине,
А что у папы холуи с секретаршами,
А что у папы у её пайки цековские,
И по праздникам кино с Целиковскою!
А что Тонька-то твоя сильно страшная –
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральнойю
За машину за его персональную...

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься,
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие там материи...
А в глазах-то у тебя дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах – карамелькою...”

Я живу теперь в дому – чаша полная,
Даже брюки у меня – и те на молнии,
А вина у нас в дому – как из кладезя,
А сортир у нас в дому – восемь на десять...
А папаша приезжает сам к полуночи,
Топтуны да холуи все тут по струночке!
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!

А как спать ложусь в кровать с дурой-Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький,
Ух, характер у неё – ну, прямо бешеный,
Я звоню ей, а она трубку вешает...
Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где „Титан” кино,
Там работает она билетёршею,

MESTNA ROMANCA: TONČKA

Pobrala svoje je stvari, prav tiho dela je:
"Kot kaže, Tončko ljubiš ti, Bog z njo, naj k streli gre!
Omamil ni te njen pogled, ne vlažne ustnice,
temveč papačijev šofer in vse propustnice
in tista vikendica tam, dača v Pavšinu
in razni hlapci naokrog, razne tajnice
in to, kar očka njen dobi, na ce-ka kredit,
ob nedeljah pa še film, prvovrsti film.
Res grdó je to dekle, kot vešča zla,
brez zamere, sevé, stara pesmica,
boš z likalno desko spal, bo posebna slast,
za mašino gre vendár, za osebno last...

Saj le to si želel si, to dobro veš,
dobro veš in te peče vest,
kaj čvekaš mi zdaj o metafiziki,
o zaupanju, čustvih vzvišenih...
A v resnici te skrbi le dača v Pavšinu,
uslužni hlapci naokrog, razne tajnice,
kako vi gledate lep film z vso družinico,
kako bo srečen vaš obraz s sladko liziko..."

Zdaj doma lepo živim, nič ne manjka mi,
tudi hlače sem dobil, res prav zadnji tip,
vina točimo sedaj, kot bi z vreleca lil
in kakovostnih stvari, ne prešteješ jih...
In papači se prikaže le opolnoči,
hlapci, sluge se vrte, kot naročil bi!
In papačiju prinesem še dva decija,
na račun sovjetskih Judov se pohecava.

In ko končno ležem spat, s tisto kozo tam,
spomnim se bridko glasu, tih je, dobro znan,
a karakter tak ima, jezno se drži,
in slušalko – le zakaj? – spet poveša mi...
Hej, zapelji me, šofer, v Ostankino!
Počakaj me, pri "Titanu" bo,
ona reva dela tam, biljeterka je,

На дверях стоит вся замёрзшая,
Вся замёрзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая,
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!

trga vstopnice, vsa ozebla je,
vsa ozebla je, vsa premražena,
ljubezen svojo je premagala,
v mrazu trese se vsa prehlájena,
a ni prodala se in ni pozábila.

КОГДА Я ВЕРНУСЬ...

Когда я вернусь...
Ты не смейся, когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли по февральскому снегу,
По еле заметному следу – к теплу и ночлегу –
И вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь –
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!..

Послушай, послушай, не смейся,
Когда я вернусь
И прямо с вокзала, разделавшись круто с таможенной,
И прямо с вокзала – в крошечный, ничтожный, раёшный,
Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь,
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!..

Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах уютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моём –
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!

Когда я вернусь,
Засвистят в феврале соловьи –
Тот старый мотив – тот давнишний, забытый, запетый.
И я упаду, побеждённый своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои!
Когда я вернусь.
А когда я вернусь?!..

KO VRNEM SE SPET...

Ko vrnem se spet...
Ti ne smeš se, – ko vrnem se spet
in pridem do postelje tople, ko sneg februarški pregazim
lahkotno in zemljo s sledjo neopazno oplazim,
na sladki tvoj klic se ozrem, znova s srečo prežet.
Ko vrnem se spet...
Oj, ko vrnem se spet!

Poslušaj, poslušaj, ne smeš se, –
ko vrnem se spet,
naravnost s postaje, ko brž obračunam s carino,
naravnost s postaje – v temačno, prostaško in gnilo
zarijem se mesto, v ta kraj zame lep in preklet,
ko vrnem se spet...
Oj, ko vrnem se spet!

Ko vrnem se spet, –
pohitim v tisti dom, kjer nebo
ne ve, da zaman zoperstavlja se kupoli sinji,
in duh po kadilu, kot kruh v zavetišču pozimi,
zaveje v moje srce in omami sladko,
ko vrnem se spet...
Oj, ko vrnem se spet!

Ko vrnem se spet,
februarški pozdravi me dan
z motivom pozabljenim, davnim, ki žvižga ga slavec,
in padem na tla spet premagan, čeprav zmagovalec,
in skrijem med tvoja kolena glavo, kot v pristan!
Ko vrnem se spet...
Kdaj pa vrnem se spet!?

LJUDSKE IN PONARODELE PESMI
НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ДОНСКАЯ БАЛЛАДА

По Дону гуляет козак молодой,
А дева там плачет над быстрой рекой.
„О чём, дева, плачешь, о чём слёзы льёшь?“
„Ах, как мне не плакать, слёз горьких не лить?“

Когда, молодою, к цыганке пошла,
Цыганка гадала, за ручку брала.
Сказала: «Утонешь в день свадьбы своей!»,
А милый мой тешит, чтоб не верила ей.

Зовёт он венчаться, он выстроил мост,
Он выстроил мост, да на тысячу вёрст.”
Вот слышу, послышу, мосточки гудут,
Наверно, наверно невесту везут.

Вот конь спотыкнулся и сшибся с моста,
Невеста упала в круты берега.
Во-первых вскричала: „Прощай, мать, отец!“
Во-вторых вскричала: „Прощай, белый свет!“

А в-третьих вскричала: „Прощай, милый мой!
Наверно, наверно не жить нам с тобой!“
По Дону гуляет козак молодой,
А дева, а дева под мутной водой.

BALADA Z DONA

Na Donu sprehaja se mladi kozak,
ob bistri tej vodi pa dèkle v solzah.
“Zakaj le pretakaš mi, dèkle, solze?”
“Kako b’ ne jokala, je meni gorje!”

Še deklica mlada k ciganki sem šla,
k ciganki, da usodo mi z roke spozna;
pa pravi: «Utoneš, na svadbe na dan!»
Me mili tolaži: «To so čenče tjavdan!»

Pod venec me kliče, mi most je zgradil,
mi most je zgradil, sto vrst je spojil.”
Že slišim, poslušam, topot prek vodé,
gotovo nevesta k poroki že gre.

Zdaj konj se spotakne, omahne čez most,
čeri pod nevesto so krute kot kost.
“Starši, adijo, zdaj moram umret!”
Zakliče: “Adijo! Krasan beli svet!”

Zakliče: “Adijo! Morda, ljubi moj,
bilo mi ni dano živeti s teboj!”
Na Donu sprehaja se mladi kozak,
pod kalno vodo leži deklica vznak.

КАЗАЧЬЯ ПРИТЧА

Ой, да не вечер, да не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.

Мне во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Разыгрался, расплясался,
Разрезвился подо мной.

Ой, налетели ветры злые,
Да с восточной стороны
И сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы.

А есаул догадлив был,
Он сумел сон мой разгадать:
„Ой, пропадёт,” – он говорил,
„Твоя буйна голова!”

KOZAŠKA ZGODBA

Ah, sinoči, ah, sinoči
do pozne ure sem bedel,
do pozne ure sem bedel,
v sanjah sem privid imel.

V sanjah sem privid imel,
kot bi črni vranec moj
razdivjal se, zavrtel se,
zaihtel bi pod menoj.

Hudi veter naenkrat je
tam od vzhoda privršal,
črno kučmo z bujne glave
hudi veter mi pobral.

A *jesaul* je bister bil,
sanje moje je razkril:
"Glavo," mi je govoril,
"prej al' slej da bom zgubil."

ЧАСТУШКИ

На окошке два цветочка,
Голубой да синенькой,
Про любовь никто не знает,
Только я да миленькой.

Я тебе, мой дорогой, да,
Подарю платок-ка мой,
Платочек всем показывай,
А про любовь не сказывай.

Загудели, зашумели,
Закачались цветы,
А под яблонькой сидели
Ты да я, да я да ты.

Люблю сани с подрезами,
А коня за быстроту,
Люблю милого за ласки,
За вертящиеся глазки,
А ещё за простоту.

Мой милёночек лукавый
Дёрнул меня за рукав,
Я ж лукавее его, да,
Не взглянула на него.

Подарил милый колечко,
Беленькую вставочку,
Иссушил моё сердечко
Как зелёну травочку.

Вы не пойте длинных песен,
Хватит с вас коротеньких,
Не любите старых девок,
Хватит с вас молоденьких.

ČASTUŠKE

Okence in dva cvetova,
eden višnjev, eden plav,
da med nama je ljubezen,
vem le jaz in ljubi moj!

Tebi, ljubček, dravec moj,
robček podarim ti svoj.
Z robčkom v roki se bahaj,
le imena ne izdaj!

Zašumela in zapela
pesem srečna je cvetic,
a pod jablano sedela
ti in jaz, le jaz in ti!

Sanke ljubim okovane
in konjiča za hitrost,
ljubim fanta, ko crta me,
za te očke, kot cigančka,
pa še bolj, ker je preprost!

Ljubček moj navihani
me potegne za rokav,
jaz, še bolj navihana,
delam se, da ni mi mar!

Rinčico mi je podaril,
bel nakit za prstece,
posušil mi srčece,
kot zeleno travico.

Dolгих pesmi ne prepevaj,
kratkih je dovolj za vse!
Starih deklic mi ne gledaj,
mladih je dovolj za vse!

О ЧЁМ ЗАДУМАЛСЯ, СЛУЖИВЫЙ?

О чём задумался, служивый,
О чём тоскуешь, удалой?
Иль служба-матка надоела,
Иль захворал твой конь гнедой?

„Мой конь болезни не боится,
Здоров и весел смотрит он,
Ему на месте не стоитя,
Копытом грозно землю бьёт.”

Скажи, товарищ, нас здесь двое,
Иль ты красотку полюбил?
„Ах, нет! Нет, не люблю я той красотки
И не по ней страдаю я.

Люблю я сторону родную,
Туда б летел я соколом!
В деревне там стоит избушка,
Избушка старая стоит.

Ах, в той избушке мать старушка
Печали горькой предана:
Она всё плачется о сыне,
А сын далече от неё.”

TI MAR JE LEGLO KAJ NA DUŠO?

Ti mar je leglo kaj na dušo,
da zdaj, soldat, ti je hudo?
Ti mar preseda častna služba?
Mar rjavec-konj je zbolel tvoj?

“Bolezen rjavca nič ne straši,
vesel in zdrav pogled ima.
Nemirno skače tam na paši,
ob tla s kopitom topota.”

Povej, prijatelj, tu sva sáma,
srce si deklici mar dal?
“Ah, ne! Srce se zanjo ne vznemirja
in ne trpi zaradi nje.

V srcu je le vas domača,
kot sokol bi poletel tja,
v vasico, kjer je mala izba,
kjer v stari izbi sem doma.

Ah, v mali izbi mam'ca stara
ima prav žalostno srce,
za sinom grenke solze toči,
a sin je daleč proč od nje.”

ЧЁРНЫЙ ВОРОН

Чёрный ворон, что ты вьёшься
Над моею головой?
Ты добычи не добьёшься,
Чёрный ворон, я-к не твой.

Что ж ты когти распускаешь
Над моею головой,
Иль добычу себе чаешь,
Чёрный ворон, я не твой.

Полети в мою сторонку,
Скажи маменьке моей,
Ей скажи, моей любезной,
Что за родину я пал.

Отнеси платок кровавый
К милой, к любушке моей,
Ей скажи, она свободна,
Я женился, да, на другой.

Калена стрела венчала
Нас средь битвы роковой.
Вижу смерть моя приходит,
Чёрный ворон, весь я твой.

ČRNI VRAN

Črni vran, zakaj razpenjaš
svoja krila nad menoj?
Od plena svoj'ga ne odjenjaš,
črni vran, še nisem tvoj!

Črni vran, zakaj raztezaš
svoje kremplje nad menoj?
Mar si plena že nadejaš?
Črni vran, še nisem tvoj!

V vas domačo, tja poleti,
ljubi materi povej,
da sem domovino branil
in ne bo me več ob njej.

Od krvi rdeč robec nesi
njej, ki z njo sem srečen bil.
"Prosta je," tako ji reci,
"nevesto drugo sem dobil."

V ognju lita mi strelica,
ko sem bil usodni boj,
smrt-nevesto je izbrala.
Črni vran, zdaj ves sem tvoj!

ОКРАСИЛСЯ МЕСЯЦ БАГРЯНЦЕМ

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны бушуют у скал.
„Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал!”

„Кататься я с милым согласна,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.”

„Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам,
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам!”

„Нельзя? Почему ж, дорогой мой?
А в горькой, минувшей судьбе,
Ты помнишь, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе?”

Меня обманул ты однажды,
Сегодня тебя провела,
Ты чувствуешь гибель, презренный,
Как трус побледнел, задрожал.”

Всю ночь волновалось море,
Кипела морская вода,
А утром качались на волнах
Лишь щепки того челнока.

SE MESEC OBLEKEL JE V BAGER

Se mesec oblekel je v bager,
kjer val silno buta ob čeri.
"Zaplujva, dekle, tja na morje,
srce si te dolgo želi."

"S teboj res prav rada zaplujem,
se morskih valov ne bojim,
široko razpni jadro k vetru,
krmariti sama želim."

"Čolnica ne usmerjaj v daljavo,
kjer vihri ni šala se upret,
ko vreme prireja zabavo,
ne smeva valovom verjet!"

"Ne smeva? Zakaj pa, moj dragec?
Ko grenke sem lila solze,
še pomniš, prebrisan hinavec,
kako sem verjela ti vse!"

Se svojega zlega laganja
spominjaš? Zdaj vračam ti laž!
Ko čoln se valovom uklanja,
kot zajec ves bled trepetaš!"

Vso noč sta se majala z vihro
v kipečih valovih morjá,
so zjutraj se zibali mirno
le drobci razbit'ga čolná.

МАТУШКА

„Матушка,
Что во поле пыльно?
Сударыня ты моя,
Что во поле пыльно?“

„Дитяtko моё,
Кони разыгрались,
Свет милое ты моё,
Александр Сергеевич.“

„Матушка моя,
На двор гости едут,
Сударыня ты моя,
На крыльцо восходят.“

„Дитяtko моё,
Не бойся, не бужуйся!
Свет милое ты моё,
Я тебя не выдам.“

„Матушка моя,
Образа снимают!
Ой, да, сударыня ты моя,
Меня благословляют.“

„Ой, дитяtko моё,
Тебя благословляют!
Свет милое ты моё,
Что ж, Господь с тобою.“

MATUŠKA

“Draga matuška,
kaj praši se polje?
Zlata moja matuška,
kaj praši se polje?”

“Ljubi moj otrok,
konji se podijo.
Aleksandra Sergjiča
svetle oči gorijo!”

“Nežna matuška,
gost je na dvorišču.
Zlata moja matuška,
stopil je k preddverju!”

“Ljubi moj otrok,
ne trepeči v strahu.
Mili mali moj gospod,
ne izdam te mraku!”

“Nežna matuška,
v kot k podobam hodi!
Čuješ? Meni govori:
«Blagoslovljen bodi.»”

“Ljubi moj otrok,
tebe blagoslavlja.
Mili mali moj gospod,
on te z Bogom spravlja.”

КОМАРИКИ

Вы комарики, комарики мои,
Комарики, мушки маленькие!
Всюю ночку на лужочку прыгали,
А мне молодой покоя не дали!
А мне молодой спать не дали,
Я уснула молодая на зари,
Да на зореньке, на беленькой.

Не слыхала, не видала ничего,
Не слыхала как Ванюшечка пришёл:
Он тихохонько к окошку подошёл,
Шиту прямо занавеску приподнял.
„Здравствуй, милая, хорошая,“ – сказал.
„Здравствуй, милая, хорошая, моя,
Хорошо ты почивала без меня?“

„Долго с вечера стояла я в дверях,
Потонула я, молоденька, в слезах!
Тебя, милый, поджидая,
Свою долю проклиная.“

KOMARCI

Vi komarci, vi komarci sred' noči,
vi mušice, vi komarčki sitneži,
celo noč po travniku ste skákali,
niste meni revi mira dali vi,
niste meni revi spati dali vi.
Le pod jutro sem zatisnila oko,
le pod jutro, ko je sonce že vzšlo.

Nisem videla in slišala prav nič,
nisem slišala, ko Vanček je prišel.
Prav po tiho k okencu je šel,
je zavesico naštikano odpel.
"Zdravo, ljuba, krasotica!" – je še del.
"Zdravo, ljuba, krasotica ti mojá,
se brez mene je naspala deklica?"

"Ves večer pri durih sem bila,
v solzáh sem utonila, revica.
Tebe, mili, sem čakála,
se nad usodo hudovala."

ДОЛЮШКА

Ой, ты поле, ты полюшко,
Степь широкая,
Ой, да поле русское.

Отдавали девицу
За немилого.
Ой, да за нелюбого.

Отдавали молодца
В солдатушки.
Ой, да в солдатушки.

Ой, ты доля, ты горькая,
Доля бурлацкая.
Ой, да нету волюшки.

BURLAŠKA USODA

Ah, ti polje, ti poljé!
Stepa brez meja!
Ah, rusko polje, glej!

Dèkle so oddali proč
za neljubega,
ah, za nemilega.

Fanta so oddali proč:
v krut vojaški stan,
ah, v krut vojaški stan.

Ah, usodo si greni,
kdor kot *burlak* živi.
Ah, tu svobode ni.

ВЫ, СЕСТРИЦЫ, ПОДРУЖЕНЬКИ

Вы, сестрицы, подруженьки,
Вы придите-ка к сиротинушке.

Вы ударьте-ка в громкий колокол,
Разбудите-ка родна батюшку.

Ты приди, приди, родименький,
На мою горьку, горьку свадебку.

Вы разбейте-ка гробову доску,
Разбудите-ка родну матушку.

Уж ты встань, ты встань, родимая,
Погляди-ка на своё дитяtko.

Снаряжать меня есть кому, сироту,
Пожалеть меня, ах, некому.

VI, SESTRICE, PRIJATELJICE

Vi, sestrice moje, prijateljice,
k meni pridite, k sirotici.

Na ves glas ob zvon vi udarjajte
in očeta mi prebùdite.

Pridi, pridi ti, očka batjuška,
je brez tebe grenka svadbica.

Grobni kamen mrk mi polòmite,
rodno mater mi prebùdite.

Vstani, vstani ti, rodna mamica
in poglej na svoje detece.

Za sirotico že nekdo poskrbi,
za tolažbo pa, ah, nikogar ni.

УРАЛЬСКАЯ РЯБИНУШКА

Вечер тихой песнею над рекой плывёт,
Дальними зарницами светится завод.
Где-то поезд катится точками огня,
Где-то под рябинушкой парни ждут меня.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?..

Лишь гудки певучие смолкнут над водой,
Я иду к рябинушке тропкою крутой.
Треплет под кудрявою ветер без конца
Справа кудри токаря, слева – кузнеца.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?..

Днём в цеху короткие встречи горячи,
А сойдёмся вечером – сядем и молчим.
Смотрят звёзды летние молча на парней
И не скажут, ясные, кто из них милей...

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?..

Укрывает инеем землю добела,
Песней журавлинною осень проплыла,
Но тропинкой узкою там же между гор
Мы втроём к рябинушке ходим до сих пор.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка,

URALSKA JEREBIKA

S svojo tiho pesmijo mrak je vse prekril,
v medlo luč tovarno nežno je ovil.
Tam nekje iskrivo pelje nočni vlak,
tam pod jerebiko pričakujem znak.

Kodri jerebike
vse naokrog cveto,
mala ti jerebika,
zakaj ti je hudo?

Čim je delo mimo in piščal molči
jaz brž k jerebiki hodim po stezi.
Njene bele kodre veter razprši,
tu so kodri strugarja, tam kovača oči.

Kodri jerebike
vse naokrog cveto,
mala ti jerebika,
zakaj ti je hudo?

Vroči so pogledi, ko visok je dan,
ko zvečer se zberemo, gledamo pa stran.
Zvezda tam pod nebom tiho zamiglja
in prav nič ne reče, koga raje ima.

Kodri jerebike
vse naokrog cveto,
mala ti jerebika,
zakaj ti je hudo?

Slana je prekrila belo nam zemljó,
petje je žerjavov jesen odnesló,
mi pa k jerebiki, kjer se vzpenja grič,
hodimo še v troje: pa ne reče nič.

Kodri jerebike
vse naokrog cveto,
mala ti jerebika,

Что взгрустнула ты?..

Кто из них желаннее, руку сжать кому?
Сердцем растревоженным так и не пойму.
Оба парни смелые, оба хороши...
Милая рябинушка, сердцу подскажи.

Ой, рябина кудрявая,
Оба хороши,
Ой, рябина, рябинушка,
Сердцу подскажи.

zakaj ti je hudo?

Kdo mi je bolj pri srcu? Komu reči da?
Je srce vznemirjeno, izbirati ne zna.
Fanta oba sta junaka in sta dobra oba...
Mala ti jerebika, zakaj imam rada dva?

Kodri vi jerebike,
res sta dobra oba,
mala ti jerebika,
zakaj imam rada dva?

ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА

Не слышны в саду даже шорохи,
Всё здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Речка движется и не движется
Вся из лунного серебра,
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера.

Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклона.
Трудно высказать и не высказать
Всё, что на сердце у меня.

А рассвет уже всё заметнее,
Так, пожалуйста, будь добра:
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.

VEČER POD MOSKVO

Nič več ne šumi. V parku vse molči.
Tu do jutra tihi bo raj.
Ko bi vedeli, kaj pomeni mi
ta večer, kjer je Moskve kraj

Potok žubori in ne žubori,
mesec kot srebro se blešči,
pesem se oglasi, pa že spet je ni
ta večer, ko vse tiho spi.

Kaj me gledaš kradoma in zakaj
nizko spet povešaš glavó?
Kaj dejal bi zdaj? Kaj molčal bi zdaj?
Vem le to: je srce gorkó.

Že blešči na obzorju se jutranji svit,
ti pa obljubi mi, da še kdaj
na poletno noč boš pomislila,
na večer, kjer je Moskve kraj.

*Finito di stampare nel mese di novembre 2000
presso il Centro Servizi
della Scuola Superiore di Lingue Moderne
per Interpreti e Traduttori
Università degli Studi di Trieste, Italia*